

АСТА ВУЛЬФ

ТЫ
МОЯ
ТЕНЬ
♡

ОН —
МОЙ
СВЕТ.
И МОЯ
ТЬМА.

ТЕНЬ В МОЕЙ КОМНАТЕ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Аста Вульф

Тень в моей комнате

«Автор»

2026

Вульф А.

Тень в моей комнате / А. Вульф — «Автор», 2026

Он назвал её маленькой птичкой в ту же секунду, как увидел. Она даже не знала, что клетка уже строится. Эвелин всего девятнадцать. Она учится, работает, живёт обычной жизнью, пока в неё не врежется незнакомец с тёмными глазами. Его взгляд не отпускает, его голос преследует по ночам, а однажды утром она находит записку на тумбочке — он был в её комнате, пока она спала. Малакай — владелец сети клубов, опасный, холодный, привыкший получать всё, что хочет. Он выбрал её. И когда судьба подбрасывает ему идеальный шанс, он не колеблется. Теперь ей предстоит провести полгода в фиктивном браке с человеком, который улыбается, но за этой улыбкой скрывается тьма. Остаться с ним — значит погибнуть. Уйти — значит предать отца. Каждый его взгляд — цепь. Каждое прикосновение — клеймо. Он говорит, что она свободна, но его глаза обещают совсем другое.

© Вульф А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Серия:Моя тень	6
Аннотация	7
Пролог. Тень	8
Глава 1 Эвелин	9
Глава 2 Эвелин	19
Глава 3 Малакай	24
Глава 4 Малакай	31
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Аста Вульф

Тень в моей комнате

Серия:Моя тень

«Ты моя одержимость. Моя боль. Моё всё».

Посвящение

Тем, кто когда-либо чувствовал чужой взгляд в темноте.

И не мог понять — страх это или желание.

Аннотация

Он назвал её маленькой птичкой в ту же секунду, как увидел.

Она даже не знала, что клетка уже строится.

Эвелин всего девятнадцать. Она учится, работает, живёт обычной жизнью, пока в неё не врежется незнакомец с тёмными глазами. Его взгляд не отпускает, его голос преследует по ночам, а однажды утром она находит записку на тумбочке — он был в её комнате, пока она спала.

Малакай — владелец сети клубов, опасный, холодный, привыкший получать всё, что хочет. Он выбрал её. И когда судьба подбрасывает ему идеальный шанс, он не колеблется.

Теперь ей предстоит провести полгода в фиктивном браке с человеком, который улыбается, но за этой улыбкой скрывается тьма. Остаться с ним — значит погибнуть. Уйти — значит предать отца.

Каждый его взгляд — цепь. Каждое прикосновение — клеймо. Он говорит, что она свободна, но его глаза обещают совсем другое.

Но есть один вопрос, который пугает её сильнее всего:

Успеет ли она вылететь из этой клетки, пока не поздно?

Или уже слишком поздно, потому что она сама собирается запереть себя в ней?

Пролог. Тень

Я проснулась от того, что в комнате было слишком тихо.

Не просто тихо — неправильно тихо. Как будто кто-то стоял в углу и ждал, когда я открою глаза. Я лежала, боясь пошевелиться, и слушала. Сердце билось где-то в горле. Дыхание — слишком громкое. Простыни — слишком холодные.

На тумбочке лежал листок. Белый, сложенный пополам. Его там не было вечером.

Я протянула руку. Пальцы дрожали. Развернула.

Почерк был чёткий, резкий. Чужой.

«Ты очень сладко спишь. Но не думаю, что сможешь спать так же сладко в постели со мной».

Я отшвырнула записку, как будто она обжигала. Вскочила. Включила свет. Никого. Окна заперты. Двери закрыты. Но я знала: он был здесь. Пока я спала. Пока я была беззащитна. Пока я не знала, что за мной наблюдают.

А потом я увидела розу.

Тёмно-красную, почти чёрную. С шипами, которые он не срезал. Она лежала на туалетном столике — рядом с моими духами, рядом с гребнем. Он касался моих вещей. Он трогал мою жизнь. Он был внутри.

Я сжала розу в руке. Шипы впились в ладонь. Больно. Но я не разжала пальцы. Потому что эта боль была честнее, чем страх.

Кто ты?

Я не знала его имени. Не знала, как он выглядит. Не знала, чего он хочет. Но я уже знала главное: он не отпустит.

И самое страшное — я не была уверена, что хочу, чтобы он отпустил.

Глава 1 Эвелин

Было что-то не так с этим апрелем.

Я почувствовала это ещё до того, как открыла глаза. Ещё до того, как солнечный свет пробился сквозь шторы и упал на моё лицо. Что-то висело в воздухе — тяжёлое, липкое, как предгрозовая духота.

Я лежала в кровати, не открывая глаз, и слушала собственное дыхание. Оно было слишком громким. Слишком частым. Как будто я бежала. Как будто за мной гнались.

Телефон завибрировал на тумбочке.

Я потянулась, не глядя. Экран светился в полумраке. Лилит.

«Ну что, во сколько сегодня увидимся?»

Я смотрела на буквы, и они расплывались. Что-то было не так. Не с сообщением. Со мной. Я чувствовала себя странно. Тяжело. Как будто всю ночь пила и не помню. Как будто кто-то был рядом. Касался. Смотрел.

Я провела рукой по простыне рядом с собой. Холодная. Пустая.

Конечно, пустая. Ты живёшь одна, Эвелин.

В голове — тишина. В доме — тишина. Родители уехали на выходные. Ты одна.

Я села. Одежда соскользнула, и прохладный воздух коснулся кожи. Соски затвердели. Я посмотрела на себя — на свою грудь под футболкой, на свои бёдра, на свои ноги. Тело, которое я знала. Тело, которое я не понимала.

Я встала. Пол был холодным. Я шла по дому, чувствуя, как каждый шаг отдаётся где-то внизу живота. Странное ощущение. Непривычное. Не моё.

На кухне я включила кофеварку. Стояла у окна, смотрела на улицу. Деревья качались от ветра. Мокрый асфальт блестел. Обычный апрель. Обычное утро. Но внутри меня что-то сжималось. Что-то ждало. Чего-то, чего я не могла назвать.

Кофеварка запищала. Я налила латте, обхватила чашку ладонями. Тепло растеклось по пальцам, поднялось вверх по рукам. Я сделала глоток. Молоко. Кофе. Корица. Обычный вкус. Но почему-то он показался мне чужим. Как будто кто-то добавил туда что-то. Что-то, чего я не просила.

Я поставила чашку. Слишком резко. Кофе плеснул на стол. Я смотрела, как тёмная капля стекает по светлой столешнице, и чувствовала, как внутри нарастает паника.

Что с тобой? Соберись.

Я пошла наверх. В свою комнату. К шкафу. Мне нужно было одеться. Мне нужно было выйти. Мне нужно было сделать что-то, что угодно, чтобы заглушить это чувство.

Я открыла дверцу шкафа и провела рукой по вешалкам. Джинсы. Любимые. Они сидели идеально. Всегда сидели. Я сняла их, натянула. Ткань обтянула бёдра, талию, задницу. Я посмотрела на себя в зеркало и замерла.

Кто-то смотрел на меня.

Я обернулась. В комнате никого не было. Только я. Только моё отражение. Только мой испуганный взгляд.

Я снова посмотрела в зеркало. Девушка, которая смотрела оттуда, была мной. Но её глаза были другими. Тёмными. Голодными. Она смотрела на меня так, будто знала что-то, чего не знала я.

Ты сходишь с ума, Эвелин.

Я надела футболку. Схватила ключи. Выбежала из дома. На улице воздух ударил в лицо — холодный, влажный, с запахом мокрой земли. Я шла быстро. Почти бежала. К машине. К парку. К Лилит. К чему-то нормальному.

Я уже подъезжала к парку, когда телефон засветился.

«Ну ты как всегда. Без задержки ты не можешь? Давай скорее, а то я устала тебя ждать!»

Я улыбнулась. Лилит. Её напор. Её голос. Что-то нормальное. Что-то, что не пугает.

Я припарковалась. Выскочила из машины. Хлопнула дверью. Побежала.

Ветер бил в лицо. Волосы развевались. Джинсы обтягивали ноги. Я бежала и чувствовала, как внутри всё сжимается. Не от страха. От чего-то другого. От предчувствия. От ожидания. От чего-то, что должно было случиться. Что-то, что уже было решено. Кем-то. Где-то. Без меня.

Я смотрела в телефон. Набирала Лилит. Не видела, куда иду.

И врзалась.

Не в дерево. Не в столб. В человека. Твёрдого. Тёплого. Живого.

Сильный толчок отбросил меня назад. Я качнулась. Полетела бы на асфальт, если бы не его рука. Она сжала мой локоть. Крепко. Слишком крепко. Так, что останутся следы. Так, что я почувствовала каждый палец на своей коже. Даже через ткань куртки.

— Ты вообще смотришь, куда идёшь? — его голос был низким. С хрипотцой. От него по позвоночнику пробежала дрожь. Не от холода. От чего-то другого. — Или ты слепая?

Я дёрнулась. Попыталась высвободить локоть. Но его пальцы сжались сильнее. На секунду. Всего на секунду. А потом отпустили.

Я подняла взгляд.

И мир остановился.

Всё исчезло. Ветер. Шум машин. Запах парка. Голоса людей. Остались только его глаза. Чёрно-карие. Почти бездонные. Они смотрели на меня так, будто видели не девушку в джинсах и футболке. А что-то другое. Что-то, что было скрыто. Что-то, что я сама о себе не знала.

Он смотрел, и я чувствовала это. Физически. Как будто его взгляд был руками. Как будто он касался меня. Медленно. Везде. Под одеждой. Под кожей. Внутри.

На его губах играла едва заметная усмешка. Уверенная. Спокойная. Как будто он знал что-то, чего не знала я. Как будто он уже видел меня. Всю. Без одежды. Под собой. Стонущей.

Я почувствовала, как кровь приливает к щекам. К шее. К груди. Соски напряглись. Я почувствовала это даже через бюстгалтер. Даже через футболку. И я поняла, что он тоже это видит. Что он смотрит туда. На секунду. Всего на секунду. Но этого хватило.

Я отвела взгляд первой. Сделала над собой усилие. Заставила себя дышать.

— Я всё прекрасно вижу, — процедила я. Голос дрожал. Я ненавидела себя за это. — Просто кто-то выскочил на моём пути.

И обошла его. Не оглядываясь. Не смотря на него. Просто шла. Быстро. Прямо. К Лилит.

Но я чувствовала его взгляд на своей спине. Тяжёлый. Неотрывный. Он смотрел на меня так, будто раздевал. Будто запоминал. Будто решал.

Я подбежала к Лилит. Опустилась на скамейку. Руки дрожали. Внизу живота было тепло. Влажно. Я чувствовала это. И ненавидела себя за это.

— Ты чего такая на взводе? — Лилит смотрела на меня.

— Да по дороге столкнулась с одним придурком, — я попыталась усмехнуться. Не получилось. — Чуть не упала из-за него, а он даже не спросил, как я. Только процедил что-то про слепых.

Я не сказала ей, что его глаза были тёмными, как бездна. Не сказала, что его рука на моём локте оставила след. Не сказала, что я до сих пор чувствую его запах. Тёмный. Терпкий. Сандал. Что-то ещё. Что-то, что я не могла назвать. Что-то, что осталось на моей коже.

Лилит усмехнулась.

— Кстати, забыла сказать — к нам захотел присоединиться мой брат с другом.

Я замерла.

— И где же они?

— Где-то рядом. Брат недавно писал, что уже на подходе.

Я отвернулась к саду. Деревья начинали зеленеть. Ветер шевелил ветки. Я смотрела на них и пыталась успокоить дыхание. Внутри всё бурлило. Не от страха. От чего-то другого. От предчувствия. От чего-то, что уже было решено. Кем-то. Где-то. Без меня.

А потом я повернула голову.

И увидела его.

Он шёл рядом с братом Лилит. Тот самый парень. Тот самый взгляд. Тот самый запах. Он шёл, и я видела, как его глаза находят меня. Среди десятков людей. Сразу. Безошибочно. Как будто я была единственной. Как будто я светилась.

— Всем привет! — брат Лилит подошёл. Улыбался. — Это мой друг Малакай. Сегодня удачный день — я смог вырвать его из работы. А это, на минуточку, очень сложно.

Малакай.

Я подняла взгляд. Он смотрел на меня. С той же спокойной уверенностью. На его губах мелькнула лёгкая ухмылка. Не насмешливая. Какая-то своя. Чужая. От которой внутри всё сжалось. От которой соски снова напряглись. От которой между ног стало горячо и влажно.

Я заставила себя не отводить взгляд. Я не покажу ему. Ни за что.

Но он смотрел, и я чувствовала это. Как будто его взгляд был руками. Как будто он уже трогал меня. Везде. Медленно. Властно. Как будто он уже знал, как я выгляжу без одежды. Как я дрожу. Как я стою.

— Эвелин, — голос Лилит вернул меня в реальность. Она обняла меня за плечи. — Моя лучшая подруга.

— Эвелин... — тихо, почти шёпотом, так, чтобы услышала только я, произнёс Малакай. — Маленькая птичка.

Сердце пропустило удар.

Я застыла. Кровь прилила к щекам. К шее. К груди. Я почувствовала это. Везде. Как будто он дотронулся. Как будто его губы были на моей коже. На моей шее. На моих губах.

Он сказал это так, будто мы были знакомы века. Будто он имел право. Будто он уже знал меня. Всю. До последнего вздоха. До последнего стога.

И самое страшное — я не хотела, чтобы он замолчал.

Это было неправильно. Это было опасно. Но это было так сильно, что я забыла, как дышать.

Внутри меня боролись два голоса. Один кричал: «Уходи. Это опасно. Он не тот, кем кажется». Другой шептал: «Останься. Посмотри на него ещё раз. Это судьба». И этот второй голос звучал громче. Намного громче.

Телефон завибрировал в кармане джинсов. Я вздрогнула. Мама.

«Милая, давай домой. Есть разговор».

Я выдохнула. С облегчением, которого не ожидала. Я была готова сбежать. И этот звонок стал моим спасением.

— Извините, мне пора, — я постаралась, чтобы голос звучал сожалением. — Мама зовёт.

Я попрощалась с Лилит. Развернулась. Сделала шаг к парковке. Я чувствовала, что он смотрит. Затылок горел. Кожа под одеждой горела. Внизу живота горело. Я сжала ключи так, что металл впился в ладонь. Я хотела уйти. Быстро. Не оглядываясь.

Но его голос догнал меня.

— Ну ничего, маленькая птичка, — сказал он, и в тоне была предвкушающая насмешка. — Увидимся.

Электрический разряд. По всему телу. От затылка до пяток. От сосков до низа живота. Я замерла на секунду. Всего на секунду. А потом пошла дальше. Не обернулась. Не посмотрела на него.

Но сердце колотилось где-то в горле. И на губах всё ещё горела его фраза. «Маленькая птичка». И между ног было влажно. Так влажно, что я чувствовала это даже через джинсы. Даже через бельё.

Я села в машину. Завела двигатель. Руки дрожали. Я положила ладони на руль и смотрела в лобовое стекло. Запах его одеколона всё ещё преследовал меня. Тёмный. Терпкий. Сандал. Что-то ещё. Что-то, что осталось на моей коже.

Я знала: этот запах не исчезнет. Никогда.

Дорога домой заняла двадцать минут.

Двадцать минут, в течение которых я не могла перестать думать о нём. Его глаза. Тёмные. Бездонные. Его голос. Низкий. С хрипотцой. Его рука на моём локте. Крепкая. Властная. Я вела машину, а мои мысли были где-то далеко. В парке. С ним. Я представляла, как его пальцы скользят по моей коже. Как его губы касаются моей шеи. Как он шепчет что-то на ухо. Что-то, от чего внутри всё сжимается.

Я трянула головой. Отогнала. Не помогло.

Я вошла в дом и закрыла за собой дверь.

Щелчок замка прозвучал в тишине громко. Как выстрел. Дом встретил меня тишиной. Густой. Вязкой. Как болото. Я замерла в прихожей, прислушиваясь. Ничего. Только гул холодильника на кухне. Только тиканье часов в гостиной. Только моё собственное дыхание, которое казалось слишком громким.

Я поднялась на второй этаж. Медленно. Каждая ступенька скрипела под ногами, и я вздрагивала. Как будто шла по чужому дому. Как будто этот дом больше не был моим.

В своей комнате я закрыла дверь. На замок. Проверила окно. Заперто. Балконную дверь. Заперта. Я стояла посреди комнаты и чувствовала, как внутри всё сжимается. Его глаза. Его голос. Его запах. Всё это было здесь. В комнате. В воздухе. На моей коже.

«Маленькая птичка».

Я зажмурилась. Попыталась стряхнуть это наваждение. Но его образ цеплялся за каждую мысль. Как репейник. Я видела его лицо, когда закрывала глаза. Видела его руки, когда смотрела на свои. Видела его ухмылку, когда смотрела в зеркало.

Я сняла джинсы. Футболку. Бросила их на стул. Осталась в белье. Чёрное. Простое. Я смотрела на себя в зеркало и видела бледную девушку с тёмными глазами. Девушку, которая была напугана. Девушку, которая хотела его. И ненавидела себя за это.

На моей коже всё ещё был его след. На локте. Красная полоса. От его пальцев. Я провела по ней рукой. Медленно. Как будто могла стереть. Но след остался. Как клеймо. Как метка.

Я пошла в душ.

Сняла бельё. Бросила на пол. Встала под горячую воду. Вода обжигала кожу. Но не смывала его. Ничего не смывало. Я тёрла себя мочалкой, пока кожа не покраснела. Но его взгляд оставался. На мне. Везде. Под кожей.

Я закрыла глаза и прислонилась к стене. Вода стекала по лицу. По груди. По животу. По бёдрам. Я чувствовала, как тепло разливается по телу. Как что-то нарастает. Что-то, чего я не хотела. Что-то, что я не могла остановить.

Я провела рукой по животу. Медленно. Вниз. К бёдрам. К тому месту, где было горячо и влажно. Не от воды. От него. Я замерла. Моя рука замерла. Я не должна. Не должна.

Но я уже не думала. Я просто чувствовала. Его голос. «Маленькая птичка». Его глаза. Тёмные. Бездонные. Его рука на моём локте. Крепкая. Властная. Я закрыла глаза и позволила себе представить. Его. Надо мной. Внутри меня. Его губы на моей шее. Его руки на моих бёдрах. Его голос в моём ухе.

Я кончила. Стоя в душе. Одна. С его именем на губах.

А потом сползла по стене на пол. Села. Обхватила колени руками. И заплакала.

Что ты со мной делаешь?

Я не знала ответа. Я знала только одно: он вернётся. Он сказал «увидимся». И он не просто так это сказал. Он был уверен. Абсолютно. Как будто знал что-то, чего не знала я.

Как будто клетка уже строилась.

Я вышла из душа, вытерлась, надела домашнее. Старую футболку. Мягкие штаны. Волосы собрала в пучок. Смотрела на себя в зеркало и не узнавала. Девушка, которая смотрела оттуда, была бледной. Уставшей. Напуганной. И что-то в её глазах было другое. Что-то, чего раньше не было. Что-то тёмное. Что-то, что он оставил.

Я спустилась на кухню. Сварила чай. Села за стол. Смотрела в окно. Деревья качались. Небо темнело. День подходил к концу. Я думала о том, что скажет мама. О том, что происходит с отцом. О том, что будет дальше. Но все мысли возвращались к нему. К Малакаю. К его глазам. К его голосу. К его запаху.

Я взяла телефон. Открыла галерею. Пролистала фотографии. Обычные снимки. Лилит. Университет. Родители. Я. Я смотрела на своё лицо на экране и думала: это я? Эта девушка? Она не знает. Она не знает, что скоро всё изменится. Что скоро её жизнь перестанет быть её. Что скоро кто-то войдёт в неё. И не уйдёт.

Разговор с мамой отвлёк меня от этого наваждения.

Она сидела на кухне. Задумчиво помешивала чай. Свет лампы падал на её лицо, и я заметила морщины, которых раньше не видела. Она выглядела уставшей. Напуганной. Когда я вошла, она подняла на меня глаза, и в них была та самая тревога, которую я видела в последние дни слишком часто.

— Нам с отцом предстоит поездка, — сказала она тихо. — На две недели.

— И вы переживаете, как я останусь здесь одна? — я попыталась улыбнуться. Не получилось. — Мам, ну чего ты так переживаешь? Никто меня не украдёт.

И в тот момент, когда эти слова сорвались с моих губ, я снова вспомнила Малакаю. Его взгляд. Его ухмылку. Его голос. «Увидимся, маленькая птичка». Я отогнала мысли. Сделала глоток чая. Но внутри остался холодок.

— Как я могу не переживать? — мама отставила чашку. — У твоего отца сейчас проблемы с бизнесом. Он должен крупную сумму, и эта поездка должна решить эту проблему. Если не решим — потеряем всё.

В её голосе звучала такая усталость, что мне стало не по себе. Я никогда не видела её такой. Она всегда была опорой. Скалой. А теперь сидела передо мной и смотрела в одну точку, как будто разговаривала не со мной, а с собственными страхами.

Впервые я поняла, что мои родители — не всесильны. Что они тоже боятся. Что они тоже могут потерять всё.

Я протянула руку и накрыла её ладонь своей.

— Всё будет хорошо, — сказала я. — Вы решите это. Я знаю.

Она слабо улыбнулась. Но в этой улыбке не было уверенности. Только надежда. Хрупкая, как тонкий лёд.

Мы ещё немного посидели на кухне. Допивая чай. Это был ритуал, который я любила — вечерняя тишина, тепло чашки в ладонях, спокойствие, которое окутывало меня перед сном. Я почти забыла о нём. Почти. Но где-то на дне сознания его имя всё ещё пульсировало. Как заноза. Как второе сердце.

Поднявшись в свою комнату, я остановилась на пороге.

Моя спальня всегда казалась мне убежищем. Просторная, с большими окнами от пола до потолка. С маленьким балкончиком, на который я так любила выходить ночью. Стены были светлыми. Шкаф — забит книгами и старыми тетрадями. На столе — ворох бумаг и заряженный ноутбук. Сейчас она выглядела так же, как всегда. Но в ней будто поселилось что-то невидимое. Какое-то напряжение. Как будто воздух стал плотнее. Как будто кто-то дышал здесь. Пока меня не было.

Я отодвинула шторы и вышла на балкон.

Ночной воздух коснулся кожи. Свежий. Влажный. Пахнувший мокрой листвой. Я оперлась на перила и уставилась в темноту. Так спокойнее. Темнота заполняла почти каждый уголок нашего участка. Прячала в себе деревья, кусты, дорожки. Где-то вдали мелькнула тень — короткая, быстрая. Я прищурилась. Но ничего не разглядела. Наверное, просто ветер. Или животное. Я не придавала этому значения.

Хотя надо было бы.

Я постояла ещё немного. Ветер шевелил волосы. Холод пробирался под футболку. Соски напряглись. Я обхватила себя руками. И в этот момент почувствовала это. Взгляд. На себе. Тяжёлый. Неотрывный. Как будто кто-то смотрел на меня из темноты. Я обернулась. Никого. Только деревья. Только тени. Только моё воображение.

Но я знала. Я чувствовала. Он где-то там. Смотрит.

Я быстро вернулась в комнату. Закрыла балконную дверь. Задёрнула шторы. Плотно. Так, чтобы ни один луч с улицы не проникал внутрь. Я всегда так делала. Мне нравилось чувствовать себя в коконе. В безопасности.

Но сегодня безопасность была иллюзией.

Я переоделась в любимую пижаму.

Мягкую. Тёплую. С длинным рукавом. Которую носила уже несколько лет. Она была выцветшей, немного растянутой, но самой удобной. Забралась под одеяло. Тело сразу же расслабилось. Простыни пахли лавандой. Одеяло укутывало как кокон. И казалось, что я смогу уснуть мгновенно. Тепло разливалось по всему телу. Веки тяжелели. Я уже почти провалилась в сон.

Но реальность вернул телефон.

Он завибрировал на тумбочке. Громко. Настойчиво. Как будто кто-то звонил. Я потянулась, не открывая глаз. Ожидая увидеть сообщение от Лилит. Может, она хотела спросить, как я добралась. Может, что-то забыла.

Но экран горел другим именем.

Малакай.

Я вздрогнула. Сердце ударило где-то в горле. Сон слетел мгновенно. Я села в кровати. Прижимая телефон к груди. И уставилась на экран. Он написал мне. Он нашёл мой номер. Откуда? Как? Я никому его не давала. Я даже не была с ним знакома толком. Мы просто столкнулись в парке. Просто пересеклись взглядами. Просто...

Я открыла сообщение.

«Ну как добралась, моя маленькая птичка?»

Я смотрела на эти слова. И внутри меня всё сжималось. Он знал, что я добралась. Он знал, что я дома. Откуда? Он следил за мной? Он был где-то рядом? Я вскочила с кровати и подбежала к окну. Дёрнула штору. Ночь. Пустота. Только свет от уличного фонаря вырывал из темноты мокрый асфальт и ветки деревьев, которые качались как руки. Никого. Ничего. Но я чувствовала его.

Я вернулась на кровать. Не выпуская телефон из рук. И тут пришло второе сообщение.

«Милая пижама. Я уже представляю, как сниму её с тебя».

По коже пробежал электрический разряд. В груди что-то сжалось, а потом отпустило с противным, тянущим чувством. Я посмотрела на себя — на свою старую, выцветшую пижаму, которую никто, кроме меня, не должен был видеть. Откуда он знает? Как он может знать, в чём я сплю?

Боже. Он видит меня. Он где-то здесь. Он смотрит на меня.

Я вскочила. Подбежала к окну снова. Задёрнула штору ещё плотнее. Потом проверила балконную дверь — заперта. Потом дверь в комнату — тоже заперта. Я стояла посреди комнаты, и меня колотило. Мне было страшно. Но это был иной страх. С примесью интереса. С небольшим трепетом сердца, который бился быстрее, чем хотелось бы признать.

Почему я не могу его заблокировать?

Я села на кровать. Прижимая телефон к груди. Я хотела написать ему что-то резкое. Сказать, чтобы он оставил меня в покое. Но пальцы не слушались. Я просто смотрела на экран. На его сообщения. И чувствовала, как внутри меня борется страх и что-то ещё. Что-то тёмное. Что-то, что не давало мне нажать «заблокировать».

Я убрала телефон в сторону. И легла. Не раздеваясь. Тишина в доме звенела. Где-то на первом этаже что-то скрипнуло. Я замерла. Вслушалась. Но звук не повторился. Наверное, просто старый дом. Или ветер. Или...

Я закрыла глаза. Постаралась замедлить дыхание. Я не хотела думать о нём. Я хотела, чтобы он исчез из моей головы. Но в темноте я видела только его лицо. А в ушах слышалось его «маленькая птичка». Произнесённое с той насмешливой, тёплой ухмылкой.

Боже, что ты со мной делаешь?

Я свернулась калачиком на кровати. Обняла подушку. Надеюсь, что сон придёт и смоет этот страх. Но я знала: он где-то рядом. Я чувствовала это кожей.

Я не помню, как уснула.

Помню только, что сон был тяжёлым. Вязким. Как будто я тонула в чём-то тёмном. И в этом тёмном был он. Его руки. Его губы. Его голос. Я чувствовала его прикосновения. Но не могла пошевелиться. Не могла открыть глаза. Не могла дышать.

Я проснулась от того, что кто-то стоял надо мной.

Не знаю, как я это поняла. Глаза были закрыты. В комнате было темно. Но я чувствовала. Присутствие. Чужое. Тяжёлое. Как будто воздух стал плотнее. Как будто кто-то дышал рядом. Надо мной. Смотрел на меня. Спусти одеяло. Спусти пижаму. На мою кожу.

Я хотела открыть глаза. Не могла. Тело не слушалось. Я лежала. Парализованная. И чувствовала. Его взгляд. На моём лице. На моей шее. На моей груди. Медленно. Как будто он раздевал меня. Взглядом. Спусти ткань. Спусти кожу.

А потом я почувствовала его руку.

На моём бедре. Через одеяло. Тяжёлую. Тёплую. Чужую. Она лежала там. Секунду. Две. Три. Я чувствовала каждый палец. Через одеяло. Через пижаму. Через кожу. Прямо в кость.

Я хотела закричать. Не могла. Хотела оттолкнуть. Не могла. Хотела открыть глаза. Не могла.

А потом рука исчезла.

И я проснулась.

Резко. Как от удара. Села в кровати. Тяжело дыша. В комнате было темно. Тихо. Никого. Только я. Только моё дыхание. Только моё сердце, которое колотилось где-то в горле.

Это был сон. Просто сон. Просто кошмар. Просто моё воображение.

Я провела рукой по лицу. Влажное. Пот. Я провела рукой по бедру. Туда, где чувствовала его руку. Ничего. Только ткань пижамы. Только моя кожа. Только тепло.

Но запах. Я чувствовала запах. Его одеколон. Тёмный. Терпкий. Сандал. В моей комнате. На моей подушке. На моей коже.

Я вскочила. Включила свет. Огляделась. Никого. Всё на месте. Окно заперто. Дверь заперта. Но запах был. Я чувствовала его. Везде.

Я подошла к окну. Дёрнула штору. Ночь. Пустота. Только свет фонаря. Только ветки. Только тени.

И тут я увидела.

На подоконнике. Снаружи. За стеклом. Лежал лепесток. Тёмно-красный. Бархатный. Как от розы. Я смотрела на него. И чувствовала, как внутри всё холодеет. Роза. Он оставил розу. На моём подоконнике. Снаружи. Пока я спала. Пока я видела сон. Пока я чувствовала его руку на своём бедре.

Он был здесь. Не во сне. Наяву. Он стоял под моим окном. Смотрел на меня. Касался моего окна. Оставлял след.

Я отшатнулась от окна. Прижала руку к груди. Сердце колотилось. Как сумасшедшее. Я не знала, что делать. Вызвать полицию? Сказать родителям? Кому? Что я скажу? Что какой-то парень, с которым я даже не разговаривала толком, оставляет мне розы на подоконнике и записки в комнате, где все двери заперты?

Я села на кровать. Обхватила колени. И замерла. Глядя в стену. Слушая тишину. Чувствуя его запах. Везде.

Я проснулась от солнечного света.

Ярко. Тёплого. Он пробивался через щель в шторах. Ложился на пол. На кровать. На моё лицо. Я открыла глаза. Медленно. И на мгновение мне показалось, что всё произошедшее ночью мне приснилось. Сообщения. Записка. Тень за окном. Лепесток на подоконнике. Всё это было похоже на кошмар, который рассеивается с первыми лучами солнца.

Я перевела взгляд на телефон. Сообщения были на месте. Значит, не приснилось.

А потом я заметила листок на прикроватной тумбочке.

Белый. Сложенный пополам. Его вчера точно не было.

Сон как рукой сняло. Я села в кровати. Чувствуя, как внутри всё холодеет. Кто-то был в моей комнате. Пока я спала. Кто-то стоял надо мной и смотрел на меня. Кто-то касался моего бедра. Через одеяло. Через пижаму. Через кожу.

Я взяла листок дрожащими пальцами. Развернула его. На нём был тот же почерк. Чёткий. С резкими наклонами.

«Ты очень сладко спишь. Но не думаю, что сможешь спать так же сладко в постели со мной».

Я отшвырнула записку. Как будто она обжигала. Вскочила на ноги. Прижала руку к груди. Пытаясь успокоить сердце. Он был здесь. Он смотрел на меня, пока я спала. Он мог дотронуться до меня. И я бы не проснулась. Он мог сделать всё, что угодно. И я бы не узнала.

Я подбежала к двери. Проверила замок — закрыт. Окна — заперты. Балконная дверь — заперта. Но разве это что-то значит? Он проник в мою комнату. Оставил записку. Оставил лепесток на подоконнике. Значит, замки для него — не преграда.

Я быстро оделась. Привела себя в порядок. Спустилась вниз. Помочь родителям. Они уже собирались. Вещи стояли в прихожей. Отец нервно проверял документы. Мама суежилась вокруг. Скоро их самолёт. Им нужно торопиться. Но они никак не могли от меня оторваться.

— Мы любим тебя, дочка, — сказал отец. Прижимая меня к себе. — Мы очень тебя ценим.

Мама обняла следом. И её руки дрожали.

— Береги себя, — прошептала она мне на ухо. — Пожалуйста.

Они говорили это часто. Но сегодня это прозвучало как-то иначе.

Как прощание.

Я смотрела, как они садятся в машину. Как машина выезжает со двора. Как она исчезает за поворотом. И чувствовала, как внутри меня что-то обрывается. Теперь я осталась одна. В этом доме. С его запахом. С его записками. С его лепестком на подоконнике.

Я вернулась в дом. Закрыла дверь. Прислонилась к ней спиной. И сползла на пол. Обхватила колени. И замерла. Глядя в пустоту. Слушая тишину. Чувствуя его. Везде.

Он был здесь. Он всегда был здесь. И он не собирался уходить.

:

Глава 2 Эвелин

Я проснулась от того, что кто-то произнёс моё имя.

Тихо. Почти беззвучно. Как выдох. Как мысль. Как будто он стоял надо мной. Смотрел. Ждал.

Я открыла глаза. Резко. Села в кровати. В комнате было темно. Только свет уличного фонаря пробивался сквозь шторы. Полосы на полу. На стене. На моей кровати. Я огляделась. Никого. Всё на месте. Дверь заперта. Окно заперто. Балконная дверь заперта.

Но я чувствовала его. В воздухе. На своей коже. На своих губах. Как будто он только что был здесь. Как будто он только что ушёл.

Я провела рукой по простыне рядом с собой. Холодная. Пустая. Конечно, пустая. Ты живёшь одна, Эвелин.

Я взяла телефон. Время. Шесть утра. Слишком рано. Я легла обратно. Но сон не шёл. Я лежала. Смотрела в потолок. Слушала тишину. И чувствовала его. Везде.

А потом был день.

Обычный. Нормальный. Такой, каких было тысячи. Я встала. Приняла душ. Сварила кофе. Оделась. Всё на автомате. Всё как всегда. Но что-то было не так. Что-то, чего я не могла назвать. Как запах, который выветрился. Как след, который стёрли. Но он всё ещё чувствовался.

Лилит позвонила в десять.

— Привет, солнце! — её голос был ярким. Громким. Живым. — Ты сегодня свободна? Хочу вытащить тебя за покупками. Мне нужно платье на свадьбу двоюродной сестры, а ты единственная, кто говорит мне правду.

Я улыбнулась. Лилит. Её напор. Её лёгкость. Что-то нормальное. Что-то, что не пугает.

— Давай, — сказала я. — Во сколько?

— В одиннадцать. В торговом центре на Ленина. Не опаздывай!

Отложив телефон, я села за компьютер, чтобы немного отвлечься от всей происходящей суеты и поработать.

Мне доверили важный проект здания торгового центра. Я надела наушники, включив себе музыку, начала работу, но идеи совсем не шли в голову.

Просидев за работой несколько часов и взглянув на время, поняла, что пора собираться, иначе Лилит снова будет меня подначивать по поводу моей пунктуальности.

Я слегка улыбнулась от этой мысли — ведь она никогда это не делала со зла.

Закрыв ноутбук и отложив его, я пошла собираться.

Я оделась просто.

Джинсы. Светлая футболка. Лёгкая куртка. Волосы собрала в хвост. Минимум макияжа. Я смотрела на себя в зеркало и видела обычную девушку. Которая идёт с подругой за покупками. Которая не думает о тёмных глазах. О низком голосе. О том, как его рука сжала её локоть.

Я вышла из дома. Села в машину. Завела двигатель. Поехала. Город мелькал мимо. Из колонок играла музыка.

Поставив машину на парковочное место, я увидела подругу и двинулась к ней.

Лилит ждала меня у входа в торговый центр.

Она стояла, скрестив руки на груди, и улыбалась так, будто знала что-то, чего не знала я.

— Ну наконец-то! — воскликнула она, обнимая меня. — Я уже думала, ты не придёшь.

— Я пришла вовремя, — я улыбнулась. — Ты просто пришла раньше.

— Я всегда прихожу раньше. Это называется «пунктуальность». Тебе стоит попробовать.

Я рассмеялась. Лилит. Её лёгкость. Её тепло.

Мы вошли в торговый центр. Яркий свет. Шум. Люди. Магазины. Всё это было таким обычным. Таким далёким от того, что происходило в моей голове. От его глаз. От его голоса. От его запаха.

Мы ходили по магазинам. Лилит мерила платья. Одно за другим. Выходила. Крутилась перед зеркалом. Спрашивала моё мнение. Я говорила. Смеялась. Помогала выбирать.

— Ну как тебе это? — Лилит вышла в очередном платье. Тёмно-синее. С открытыми плечами.

— Красивое, — сказала я. — Тебе идёт.

— Ты это говоришь про каждое.

— Потому что тебе идёт каждое.

Лилит закатила глаза, улыбнувшись мне, и скрылась в примерочной.

Я сидела на диванчике. Смотрела в телефон. Ничего. Ни сообщений. Ни звонков. Тишина. Я уже начала думать, что всё это было сном. Что он не писал. Что не оставлял записку. Что не было розы. Что не было его. Что всё это — моё воображение. Мои страхи. Моя паранойя.

Телефон завибрировал. Я вздрогнула. Посмотрела на экран. Лилит. Из примерочной.

«Ну что, берём это?»

Я улыбнулась. Набрала ответ.

«Бери. Тебе идёт».

Лилит вышла. Довольная. Счастливая. Она расплатилась. Мы вышли из магазина.

— Ну раз с покупкой платья покончено, нужно перекусить, — с радостью предложила Лилит.

— Думаю, хорошая идея, — быстро вырулила я.

— Пошли, я знаю очень хорошее местечко тут недалеко, — сказала Лилит и повернулась в сторону лестницы. Я незамедлительно двинулась за ней.

Поднявшись на второй этаж, мы зашли в кофейню. В ней был очень приятный светлый интерьер, несколько фотозон.

Мы сели за свободный столик. Подозвав официанта, сделали заказ.

И уже через минут пять всё было у нас на столе.

Я пила латте. Лилит — капучино. Мы говорили о всякой ерунде. О работе. О планах. О том, что лето будет жарким. Обычные разговоры.

— Слушай, — Лилит вдруг стала серьёзной. Она поставила чашку. Посмотрела на меня. — Я хотела с тобой поговорить.

— О чём?

— О Малакае.

Я замерла. Чашка в моей руке дрогнула. Я поставила её на стол. Медленно. Стараясь не показать, как внутри всё сжалось.

— Что о нём?

Лилит наклонилась ближе. Её голос стал тише.

— Между вами что-то есть.

— Нет, с чего ты взяла? — быстро вырулила я.

— Тогда держись от него подальше.

Я смотрела на неё. Сердце колотилось где-то в горле. Но лицо я держала. Спокойное. Равнодушное.

— Почему?

— Потому что он опасен, — Лилит смотрела мне прямо в глаза. — Я знаю его через Оскара. Он не тот, кем кажется. Он владеет клубами. Но это не просто клубы. У него связи. Тёмные. Опасные. Люди, которые с ним связываются, потом жалеют. Тем более его брат —

глава мафиозной группировки, думаю, и он в этом замешан. Так что, одним словом, мутный тип.

Я молчала. Смотрела в чашку. Молоко. Кофе. Корица. Обычный вкус. Но теперь он казался мне горьким.

— Он холодный, — продолжила Лилит. — Жёсткий. Он не умеет любить. Он умеет только брать. И если он что-то решил... — она замолчала. — Ты его не отговоришь. Ты его не остановишь. Он просто возьмёт. И всё. А его методы пугают.

Я подняла на неё глаза.

— Ты говоришь так, будто знаешь его.

— Я знаю достаточно, — Лилит откинулась на спинку стула. — Оскар рассказывал. У Малакая было много женщин. Много. И все они... — она замолчала. Подбирала слова. — Все они заканчивали плохо. Не физически. Но... морально. Он их ломал. Он их использовал. А потом выбрасывал. Как вещи.

Я смотрела на неё. И чувствовала, как внутри всё холодеет. Ломал. Использовал. Выбрасывал. Как вещи.

— Ты его заинтересовала, — сказала Лилит. — Я видела, как он смотрел на тебя в парке. Я знаю этот взгляд. Он смотрит так на всё, что хочет забрать. Не покупает. Не просит. Забирает.

Я молчала. Слова застряли в горле. Я не знала, что сказать. Что он уже был в моём доме? Что он оставил записку на моей тумбочке? Что он писал мне ночью? Что я чувствовала его руку на своём бедре? Что я кончила в душе, представляя его?

— Эвелин, — Лилит взяла меня за руку. — Я говорю это не потому, что хочу тебя напугать. Я говорю это, потому что ты моя подруга. Я не хочу, чтобы ты пострадала. Ведь ты мне очень дорога.

Я смотрела на её руку на своей. Тёплую, такую родную. И чувствовала, как внутри меня что-то ломается. Лилит. Она пытается меня защитить. Она не знает, что уже поздно. Что он уже в моей жизни. Что он уже в моей голове.

— Я поняла, — сказала я тихо. — Спасибо.

Лилит смотрела на меня ещё секунду. Потом кивнула. Отпустила мою руку. Взяла чашку.

— Ну и ладно. Просто будь осторожна. Хорошо?

— Хорошо.

Мы допили кофе. Поговорили о чём-то ещё. О работе. О планах. О лете. Но я уже не слушала. Я думала о нём. О Малакае. О том, что сказала Лилит. Ломал. Использовал. Выбрасывал. Как вещи. И о том, что он уже делал со мной. Что он уже оставил во мне.

Заплатив за счёт, мы направились к выходу.

Мы вышли из торгового центра около трёх.

Солнце уже клонилось к западу. Тени становились длиннее. Воздух — прохладнее. Лилит обняла меня на прощание.

— Спасибо, что пришла, — сказала она. — Ты лучшая.

— Ты тоже, — я улыбнулась. Но улыбка была слабой. Натянутой.

Крепко обнявшись, она поторопилась, так как такси уже ждало её.

Лилит ушла. Я смотрела ей вслед. Как она идёт к своей машине. Как садится. Как уезжает. И чувствовала, как внутри меня что-то сжимается. Я осталась одна. Снова.

Я пошла к своей машине. Медленно. Шаг за шагом. Я думала о том, что сказала Лилит. Думала о нём. О его глазах. О его голосе. О его руках. О том, как он смотрел на меня в парке. Одновременно пугающе и маняще.

Я подошла к машине. Открыла дверь. И замерла.

На сиденье лежала роза.

Одна. Тёмно-красная. Почти чёрная. С бархатными лепестками. С длинным стеблем. Усеянным шипами. Она лежала так аккуратно. Так продуманно. Как будто её положили с особым намерением.

Я смотрела на неё. И чувствовала, как внутри всё холодеет. Он был здесь. Пока я ходила по магазинам. Пока я смеялась с Лилит. Пока я думала, что всё это сон. Видимо, следил за мной, и это пугало ещё больше — я не могла знать, где он.

Я оглянулась. Парковка. Люди. Машины. Никого. Только тени. Только ветер. Только моё сердце. Которое колотилось где-то в горле.

Я села в машину. Захлопнула дверь. Руки дрожали. Я смотрела на розу. На её тёмные лепестки. На её шипы. На то, как она лежала на сиденье. Как будто была здесь всегда.

Я протянула руку. Хотела взять её. Но не коснулась. Шипы. Они были острыми. Я видела это по тому, как они блестели в свете солнца. Если я возьму её, я поранюсь. И, может быть, именно этого он и хотел.

Красиво и опасно. Как он сам.

Я убрала руку. Завела двигатель. Выехала с парковки. Город мелькал мимо. Огни размывались. Люди шли по улицам.

Я ехала домой. А роза лежала на сиденье рядом со мной. Тёмная. Бархатная. С шипами. Которые ждали. Чтобы впиться в мою кожу.

Дома я первым делом проверила все двери.

Заперто. Все окна. Заперто. Балконная дверь. Заперта. Я стояла посреди комнаты и чувствовала, как внутри всё сжимается. Он был здесь. Вчера. Ночью. Пока я спала. Он оставил записку. Розу. А сегодня — розу в машине. Пока меня не было. Пока я ходила с Лилит. Что же можно ожидать от него ещё — и это незнание давило всё больше и больше.

Я подошла к туалетному столику. Та роза, которую он оставил вчера, всё ещё лежала там. Тёмная. Бархатная. С шипами. Я смотрела на неё. И чувствовала, как внутри что-то меняется. Я боялась этого человека, но интерес к нему рос с такой же колоссальной силой.

Я взяла телефон. Открыла чат с Малакаем. Его сообщения всё ещё висели там. «Ну как добралась, моя маленькая птичка?» «Милая пижама. Я уже представляю, как сниму её с тебя». Я смотрела на эти слова. И чувствовала, как внутри меня борется страх и что-то ещё.

Я набрала сообщение.

«Ты был у моей машины».

Я нажала «отправить». И тут же пожалела. Но было поздно. Сообщение ушло. Я смотрела на экран. Сердце колотилось. Секунду. Две. Три.

Ответ пришёл сразу.

«Ты носишь красное бельё. Мне нравится».

Я замерла. Кровь отлила от лица. Я посмотрела на себя. На свою футболку. На свои джинсы. Как он узнал? Как он мог знать? Я не видела его. Он не видел меня. Или видел? Он был там. На парковке. Или же у меня в комнате есть камеры — эта мысль сводила меня с ума.

Я сжала телефон так сильно, что он чуть не треснул. Я хотела написать что-то резкое. Что-то злое. Но пальцы не слушались. Я просто смотрела на экран. На его слова. На то, что теперь было в моей жизни.

Малакай.

Маленькая птичка.

Ты носишь красное бельё.

Я отложила телефон. Легла на кровать. Не раздеваясь. Уставилась в потолок. И чувствовала его. Везде. В воздухе. В стенах. В моей голове. В моём теле. В моём белье. Красном...

Боже, что ты со мной делаешь?

Я закрыла глаза. И в темноте увидела только его лицо. А в ушах слышалось его «маленькая птичка». И между ног снова становилось влажно.

Я не смогла удержаться. Расстегнула пуговицу на джинсах. Запустила руку в трусики. Провела пальцем по киске — и замерла. Влажная. Чертовски влажная. От него. От его слов. От его взгляда. Я поймала себя на мысли, что хочу большего. Хочу его. Здесь. Сейчас. В своей постели. В своём теле.

— Эвелин, что ты творишь? — прошептала я себе. — Если не остановишься, это плохо кончится.

Но пальцы уже двигались. Медленно. Кругами. Я закрыла глаза. И в темноте увидела его. Его руки. Его губы. Его голос. «Маленькая птичка». Я закусила губу. Чтобы не застонать. Чтобы не разбудить дом. Чтобы не признать, что хочу его.

Но мои мысли прервал шорох. Я замерла. Рука застыла между ног. Я посмотрела на балконную дверь. За стеклом. За шторами. Тень. Тёмная. Неподвижная. Как будто кто-то стоял там и наблюдал.

«Неужели это он...»

Глава 3 Малакай

Я увидел её за три недели до того, как она врезалась в меня.

Был конец марта. Холодный, сырой вечер. Я выходил из ресторана на набережной — только что закрыл сделку, которая принесла мне больше, чем некоторые зарабатывают за год. Оскар шёл рядом, что-то говорил про свою сестру, про её подругу, про какие-то планы на выходные. Я не слушал. Я никогда не слушал, когда дело не касалось денег или власти.

А потом я её увидел.

Она шла по другой стороне улицы. Одна. В наушниках. В лёгком пальто, которое было слишком тонким для этого холода. Волосы — золотистые, растрёпанные ветром — горели в свете фонарей, как расплавленный металл. Она не смотрела по сторонам. Не видела меня. Просто шла своей дорогой, и в этом было что-то такое, от чего я остановился как вкопанный.

Оскар толкнул меня в плечо.

— Ты чего?

Я не ответил. Я смотрел на неё. На то, как она улыбается своим мыслям. Как поправляет волосы. Как обнимает себя руками — замёрзла, но не торопится. Как исчезает за углом.

И в этот момент что-то во мне щёлкнуло. Как затвор. Как замок, который закрылся навсегда.

— Она будет моей, — сказал я.

Оскар рассмеялся.

— Ты её даже не знаешь.

— Узнаю.

— Вообще-то это и есть та самая подружка моей сестры, про которую я тебе рассказывал. Поверь, к ней не просто подобраться. Знаешь, сколько пытался я? Но ни одна попытка не увенчалась успехом. Так что не дум...

Я не дал ему договорить.

— А я не буду пытаться. Я просто её украду, — на моём лице заиграла ухмылка.

Он не поверил. Я и сам не был до конца уверен, что говорю серьёзно. Но что-то внутри меня уже тогда знало. Что-то тёмное. Что-то, что не спрашивает разрешения. Что-то, что берёт.

Я не спал в ту ночь.

Я лежал в своей кровати, смотрел в потолок и видел её лицо. Её волосы. Её улыбку. Её походку. Я не знал её имени. Не знал, где живёт. Но я знал одно: она будет моей. Не потому, что я так хочу. А потому, что так будет. Это было решено. Кем-то. Где-то. Мной.

Я не мог объяснить это чувство. Оно было сильнее меня. Сильнее логики. Сильнее всего, что я знал о себе. Я, человек, который контролировал всё — сделки, людей, города, — не мог контролировать это. И это сводило меня с ума.

Я начал искать её на следующий день.

Я не знал, как её зовут. Не знал, где она работает. Не знал ничего, кроме того, что она шла по набережной в тот вечер. Но я знал, что найду её. Я всегда находил то, что хотел.

Я позвонил Оскару.

— Ты что-то говорил про подругу сестры, — сказал я, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

— Про Эвелин? — он усмехнулся. — А что? Всё-таки заинтересовала. Интересно посмотреть, что с этого выйдет.

Эвелин.

Её имя ударило по мне, как током. Я повторил его про себя. Медленно. Пробуя на вкус. Э-ве-лин. Оно звучало как что-то древнее. Как имя, которое я слышал в другой жизни. Или в прошлой. Я не верил в такие вещи. Но сейчас, произнося его, я готов был поверить во всё.

— Расскажи мне о ней, — сказал я.

Оскар помолчал. Но не стал задавать вопросов. Он просто начал говорить. И я слушал. Слушал каждое слово. Запоминал каждую деталь.

Эвелин. Девятнадцать лет. Учится на архитектора. Работает в небольшой фирме. Живёт с родителями в двухэтажном доме на тихой улице. Много читает. Не пьёт. Не курит. Не гуляет по клубам. Серьёзная. Закрытая. Одинокая.

Она была идеальной. Слишком чистой для этого мира. Слишком светлой. И я хотел её. Не только тело. Я хотел её свет. Я хотел забрать его. Присвоить. Уничтожить.

Или сохранить. Я не знал.

Я начал следить за ней через неделю.

Не потому, что хотел. А потому, что не мог иначе. Я должен был видеть её. Слышать её. Знать, где она. Что делает. С кем говорит. Я должен был контролировать её жизнь. Даже если она об этом не знала.

Я узнал, где она живёт. Двухэтажный дом на тихой улице. Частный участок. Деревья по периметру. Я узнал, в какое время она выходит из дома. Куда идёт. С кем встречается. Я стоял в тени деревьев за оградой, когда она выходила из калитки. Я сидел в машине напротив её университета, когда она шла на пары. Я видел, как она смеётся с Лилит. Как пьёт кофе в парке. Как разговаривает по телефону с кем-то, кто, судя по её лицу, был ей безразличен.

Я не подходил. Не заговаривал. Я просто смотрел. Изучал. Запоминал.

Я знал, что она любит латте с корицей. Что она всегда паркуется у входа, если есть место. Что она носит джинсы, которые идеально сидят на её талии. Что она засыпает с телефоном в руке и просыпается от первого луча солнца. Что она улыбается, когда думает, что её никто не видит. Что она кусает губы, когда нервничает. Что она пахнет ванилью и цветами. Что у неё на левом бедре маленькая родинка. Что она не знает, насколько она красива.

Я знал о ней больше, чем она сама.

И каждый день я хотел её сильнее.

Это было не желание. Не похоть. Это было что-то другое. Что-то тёмное. Что-то, что росло во мне, как опухоль. Что-то, что требовало её. Всю. Каждую секунду. Каждый вздох. Каждую мысль.

Я хотел, чтобы она думала обо мне. Даже не зная меня. Я хотел, чтобы она чувствовала моё присутствие. Даже когда меня нет рядом. Я хотел, чтобы она не могла дышать без меня. Чтобы она не могла жить без меня. Чтобы она принадлежала мне. Полностью. Навсегда.

Я не спал ночами. Я лежал в темноте и представлял её. Её волосы. Её кожу. Её губы. Её тело. Я представлял, как она дрожит подо мной. Как она стонет моё имя. Как она смотрит на меня — со страхом, с желанием, с одержимостью. Такой же, как у меня.

Я не мог остановиться. Не хотел. Я знал, что это неправильно. Что это опасно. Что это может разрушить её жизнь. Но мне было плевать. Я хотел её. И я возьму её. Так или иначе.

Я сказал Оскару, что хочу встретить её.

Он удивился. Я никогда не просил знакомств. Никогда не говорил о ком-то так. Но он не стал задавать вопросов. Просто сказал, что подумает. Что попробует устроить что-нибудь.

Я ждал. Три дня. Каждый день был пыткой. Я ходил по клубам. Работал. Встречался с людьми. Но всё это было фоном. Всё это было ничем. Настоящим был только я. И она. И то, что должно было случиться.

А потом Оскар позвонил.

— Она собирается в парк с Лилит, — сказал он. — Завтра. В восемь. Я тоже там буду. Хочешь присоединиться?

Я хотел.

Я приехал в парк за час до назначенного времени. Стоял у входа. Ждал. Я знал, что она придёт. Знал, что увидит меня. Знал, что это начало.

Она появилась вдалеке. Я увидел её первой. Всегда видел её первой. Она бежала. Смотрела в телефон. Не видела, куда идёт.

Она врзалась в меня.

Я почувствовал это раньше, чем увидел её лицо. Запах. Сладкий. С нотками ванили и чего-то цветочного. Такой нежный, что у меня на мгновение остановилось дыхание. А потом я посмотрел вниз. И увидел её. Золотистые локоны, растрёпанные ветром. Голубые глаза, которые распахнулись от испуга. Румянец, который залил её щёки, когда она поняла, что врзалась в меня.

Я мог бы просто отпустить её. Сказать что-то вежливое и забыть.

Но я не отпустил.

Я сжал её локоть. Чуть крепче, чем нужно. И почувствовал, как подмоими пальцами бьётся её пульс. Быстро. Испуганно. Но не только испуганно. Там было ещё что-то. Любопытство. Или, может быть, узнавание. Будто она уже знала меня. Будто ждала.

Я усмехнулся про себя. Глупости. Она не могла меня знать.

Но я знал её. Каждую чёрточку. Каждую родинку. Каждый вздох. Я знал её лучше, чем она сама.

— Ты вообще смотришь, куда идёшь? — сказал я, и голос был низким. С хрипотцой. — Или ты слепая?

Она дёрнулась. Попыталась высвободить локоть. Я сжал сильнее. На секунду. Всего на секунду. А потом отпустил.

Она подняла взгляд.

И мир остановился.

Её глаза. Голубые. Как вода в горном ручье. Прозрачные. Чистые. Наивные. Она смотрела на меня, и в этом взгляде было всё. Страх. Вызов. Интерес. Что-то, что зацепило меня сильнее, чем я мог признать даже себе.

Я смотрел на неё. И чувствовал, как что-то внутри меня разворачивается. Что-то тёмное. Что-то голодное. Что-то, что хотело взять её здесь и сейчас. Прижать к стене. Поцеловать. Сделать её своей. Прямо здесь. Прямо сейчас. Не думая о последствиях.

Она отвела взгляд первой.

— Я всё прекрасно вижу, — процедила она. Голос дрожал. Она ненавидела себя за это. Я видел. — Просто кто-то выскочил на моём пути.

Она обошла меня. Пошла к Лилит. Не оглядываясь. Не смотря на меня.

Но я смотрел ей вслед. На её спину. На её джинсы, которые обтягивали её задницу. На её волосы, которые развевались на ветру. И улыбался.

Иди, маленькая птичка. Иди. Пока можешь. Потому что скоро ты не сможешь уйти. Скоро ты будешь приходить ко мне сама. Скоро ты будешь умолять меня остаться. Скоро ты будешь думать только обо мне. Так же, как я думаю о тебе.

Я подошёл к Оскару через несколько минут. Поздоровался. Улыбнулся. Сделал вид, что всё нормально. Но внутри меня всё горело. Всё кричало. Всё хотело её.

Я смотрел на неё. Как она сидела на скамейке. Как она смеялась с Лилит. Как она запрокидывала голову. Как свет падал на её лицо. Я видел каждую чёрточку. Каждую веснушку. Каждый изгиб губ. Я хотел стереть эту улыбку. Или сделать так, чтобы она улыбалась только мне. Я не знал, что именно я хочу. Я знал только, что хочу её. Всю. Целиком. Навсегда.

Оскар позвал меня. Я подошёл. Медленно. Стараясь держать лицо непроницаемым. Я не должен был показывать ей, что она меня задела. Я был тем, кто задевает. Не наоборот.

— Эвелин, — сказала Лилит, обнимая её. — Моя лучшая подруга.

Я повторил её имя про себя. Эвелин. Оно звучало как что-то древнее. Как имя, которое я слышал в другой жизни. Или в прошлой. Я не верил в такие вещи. Но сейчас, глядя на неё, я готов был поверить во всё.

— Эвелин... — проговорил я тихо, так, чтобы услышала только она. — Маленькая птичка.

Я хотел увидеть её реакцию. Я хотел, чтобы она поняла: я её заметил. Я её выбрал. Я хотел, чтобы она запомнила. Чтобы она думала об этом ночью. Чтобы она чувствовала мой голос на своей коже. Чтобы она не могла забыть.

Она вздрогнула. Всего на долю секунды. Но я видел. Она слышала меня. Она знала. И внутри меня разлилось чувство, похожее на триумф.

А потом её мать позвонила. И она стала прощаться. Я видел, как она хотела сбежать. И это забавляло меня. Она думала, что убежит. Что спрячется. Что забудет.

Как только она ушла, я дождался, пока Оскар отвлёкся на свой телефон, и сказал, что мне нужно идти. Я не соврал — мне действительно нужно было идти. Но не по делам.

Я последовал за ней.

Я держался на расстоянии. Прятался за деревьями. За машинами. За углами домов. Она не оборачивалась. Она даже не подозревала, что её ведут. Я видел, как она вошла в калитку. Как прошла по дорожке к дому. Как поднялась на второй этаж. Свет зажёгся в окне наверху — её окне. Я стоял на улице, за оградой, и смотрел вверх. Видел её силуэт за шторами.

Двухэтажный дом. Частный участок. Деревья по периметру. Идеальное место. Уединённое. Тихое. Никто не увидит, если я подойду ближе.

Она жила здесь. Она спала здесь. Она была уязвима.

Я должен был уйти. Я знал это. Но я не мог. Я стоял и смотрел. Как она ходит по комнате. Как она садится на кровать. Как она роняет голову на подушку.

И в этот момент я понял, что не хочу её просто трахнуть. Я хотел большего. Я хотел видеть её каждый день. Я хотел слышать её голос. Я хотел, чтобы она смотрела на меня с тем же трепетом, с которым я смотрел на неё.

Но я не мог себе в этом признаться.

— Это просто желание, — прошептал я себе в темноте. — Это просто тело. Она захочет — и я возьму её. И всё.

Я повторил это несколько раз, пока сам не поверил.

Ночью, когда я стоял у неё под окном и смотрел на её силуэт, я понял, что соврал самому себе.

Я хотел её не только телом. Я хотел её душой. Но признаться в этом означало признать, что я слаб. А я не был слабым. Никогда.

Я перелез через ограду — низкую, чисто символическую — и подошёл к дому. Участок был тёмным. Окна на первом этаже не горели. Я обошёл дом. Нашёл дверь на террасу. Заперта. Но замок оказался простым. Я справился с ним за секунды. Внутри пахло лавандой и чем-то сладким. Её запахом. Я поднялся по лестнице на второй этаж. Стараясь не скрипеть ступенями. И вошёл в её комнату.

Она спала. Раскинувшись на подушке. Её локоны разметались по простыне. Губы были приоткрыты. Она была такой беззащитной. Такой красивой. Что у меня перехватило дыхание.

Я хотел дотронуться до неё. Провести рукой по её щеке. Но я знал: если я коснусь её сейчас, я не смогу остановиться. Я достал блокнот из кармана и написал записку. Мои пальцы двигались быстро. Но буквы выходили чёткими.

«Ты очень сладко спишь. Но не думаю, что сможешь спать так же сладко в постели со мной».

Я положил листок на прикроватную тумбочку. Туда, где она увидит его сразу, как только проснётся. А потом достал из кармана розу. Тёмно-красную. Почти чёрную. С шипами, которые я специально не срезал. Я прошёл к туалетному столику у окна и положил её рядом с её духами и гребнем. Пусть найдёт. Пусть поймёт, что я был здесь. Что я касался её вещей. Что я всегда буду рядом. Даже если она меня не видит.

Я вышел так же тихо, как вошёл. Уже на улице я прислонился к стене дома и закрыл глаза. Внутри у меня всё бурлило. Моя грудь сжималась от чувства, которое я не мог назвать.

Я хочу завладеть ею. Полностью. Чтобы она думала только обо мне. Чтобы она боялась меня. Чтобы она хотела меня.

Я не знал, что это за чувство. Но я знал, что оно будет длиться вечно.

Она не сбежит.

Она — моя.

Я вернулся домой уже под утро.

Принял холодный душ. Пытаясь смыть с себя её запах. Тот самый. Сладкий. С нотками ванили. Который впитался в мою кожу. Но он не смывался. Он остался на мне. Как клеймо. Как метка.

Я оделся. Собрался. Вышел из дома. Работа ждала. Клубы. Отчёты. Встречи. Всё то, что составляло мою жизнь до неё. Но теперь всё это казалось пустым. Механическим. Я делал всё на автомате. А в голове была только она.

Эвелин.

По пути в клуб телефон завибрировал. На экране высветилось имя: Оскар.

Я поднял трубку.

— Слушаю.

— Ты вчера странно себя вёл, — сказал он. — Я не спрашиваю. Но если ты что-то задумал — лучше скажи мне.

Я усмехнулся. Оскар. Он всегда чувствовал, когда что-то не так. Но он не знал. Никто не знал. И не узнает. Пока я не решу.

— Ничего я не задумал, — ответил я ровно. — Просто интерес. И не более.

— Мало верится. Ну ладно, — Оскар помолчал. — У неё, кстати, скоро день рождения. Они с Лилит что-то планируют. Может, в клуб пойдут. Ты мог бы... устроить что-нибудь.

Я замер. День рождения. Это был шанс. Идеальный шанс. Она придёт в моё место. На мою территорию. Туда, где я контролирую всё. Туда, где она не сможет уйти.

— Хорошая идея, — сказал я. — Пусть приходят в мой клуб. Я всё устрою.

После некоторой паузы Оскар сказал:

— И вообще... ты уверен, что знаешь, что делаешь?

Я сжал руль. В его голосе была нотка беспокойства. Которую я не привык слышать. Но мне было плевать.

— Абсолютно, — ответил я. И сбросил звонок.

Я выехал на дорогу. Город мелькал за окнами. Огни размывались в тёмной воде луж. В моей голове уже играл план. Идеальный. Продуманный до мелочей. Она придёт в мой клуб. Она будет на моей территории. И я покажу ей, что она принадлежит мне.

Вот и всё, птичка, — подумал я. И на губах мелькнула тёмная улыбка. — Ты сама идёшь в клетку. Я не буду тебя ловить. Ты придёшь ко мне сама.

Я сжал руль. И направился в клуб. Работа ждала. Но в голове было только одно имя. Эвелин.

Я приехал в клуб в шесть.

Зал уже был готов. Свет приглушён. Музыка настроена. Персонал на местах. Всё шло по плану. Но я не смотрел на зал. Я прошёл через чёрный вход. Поднялся в свой кабинет на втором этаже. Стеклопанная стена. Кресло. Стол. Всё как всегда. Но сегодня всё было иначе. Сегодня всё было для неё.

Я стоял у стекла. Смотрел вниз. На пустую сцену. На бар. На диваны. На место, где скоро будет она. Где она будет танцевать. Смеяться. Питть. Не знать, что я смотрю. Не знать, что это её вечер. Её клетка. Её начало.

Я не знал, во сколько они придут. Но я знал, что придут. Оскар обещал. А Оскар не бросал слов на ветер. Особенно когда я просил.

Я ждал.

Час. Два. Я не считал. Я просто стоял. Смотрел. Думал о ней. О том, как она войдёт. Как посмотрит по сторонам. Как улыбнётся Лилит. Как закажет коктейль. Как поднесёт его к губам. Как облизнёт их. Как посмотрит вверх. На второй этаж. На меня. Или не на меня. Пока не на меня.

Я ждал.

А потом дверь открылась.

Я увидел её сразу. Среди десятков людей. Среди музыки. Среди света. Я всегда видел её первой. Она вошла с Лилит и Оскаром. В чёрном платье. Приталенном. Чуть выше колена. Волосы распущены. Локоны падают на плечи. Она выглядела так, как я представлял. И даже лучше. Живая. Настоящая. Моя.

Они прошли к бару. Сели. Заказали. Я смотрел. Как она смеётся. Как она пьёт. Как она смотрит по сторонам. Как её глаза скользят по залу. Не находя меня. Пока не находя.

Я не спускался. Не подходил. Не показывался. Я просто смотрел. Ждал. Я хотел, чтобы она расслабилась. Чтобы забыла. Чтобы почувствовала себя в безопасности. А потом — чтобы поняла, что безопасности нет. Что я здесь. Что я всегда здесь.

Прошло около часа. Они выпили. Потанцевали. Лилит ушла к бару за очередной порцией. Оскар отвлёкся на телефон. А она — она встала. Поправила платье. И направилась в сторону лестницы. Вниз. В подвал. Туда, где были уборные. Туда, где было тихо. Туда, где я мог её найти.

Я отставил стакан. Вышел из кабинета. Пошёл по коридору. Мимо вип-комнат. Мимо охраны. Мимо всего. Я знал каждый шаг. Каждую дверь. Каждый поворот. Я знал, куда она идёт. И я знал, что она будет там одна.

Я спустился по лестнице. Медленно. Шаг за шагом. Музыка осталась наверху. Здесь было тихо. Только приглушённые басы. Только свет ламп. Только её шаги. Где-то впереди. Я слышал их. Чувствовал. Как будто они были моими.

Она завернула за угол. Я — за ней. Держался на расстоянии. Не спешил. Я хотел, чтобы она дошла до конца коридора. Чтобы остановилась. Чтобы почувствовала. Что она не одна.

Она остановилась.

Я видел её спину. Чёрное платье. Открытая шея. Локоны. Она стояла перед дверью. Не двигалась. Как будто что-то почувствовала. Как будто знала. Как будто ждала.

Я подошёл. Медленно. Тише, чем нужно. Мои шаги не слышались. Только её дыхание. Только её пульс. Я чувствовал его. Даже через расстояние. Даже через воздух.

Я остановился за её спиной. Близко. Слишком близко. Так, чтобы она почувствовала моё тепло. Моё присутствие. Мой запах. Тот самый. Тёмный. Терпкий. Сандал.

Я наклонился. К её уху. Так, чтобы она слышала только меня. Только мой голос. Только моё дыхание.

— Ну привет, моя птичка, — сказал я тихо.

Она замерла.

Я видел, как напряглись её плечи. Как сжались пальцы. Как по спине пробежала дрожь. Она не обернулась. Не закричала. Не оттолкнула. Она просто стояла. И я чувствовал её страх. Её возбуждение. Её желание. Всё это смешалось. Всё это было моим.

Я не дотронулся до неё. Не взял за руку. Не прижал к стене. Я просто стоял. За её спиной. Близко. Так, чтобы она чувствовала. Так, чтобы она знала: я здесь. Я всегда здесь. И я никуда не уйду.

— Ты пришла ко мне сама, — прошептал я. — Я же говорил, что мы увидимся.

Она молчала. Дышала. Часто. Глубоко. Я слышал, как бьётся её сердце. Как кровь приливает к щекам. Как между ног становится влажно. Я чувствовал это. Даже не касаясь. Даже не видя.

— Что ты здесь делаешь? — её голос дрожал. Но она не обернулась. Не отступила. Не убежала.

— Жду тебя, — ответил я. — Я всегда жду тебя.

Я сделал шаг назад. Медленно. Давая ей пространство. Давая ей выбор. Или иллюзию выбора. Потому что выбора не было. Она была моей. С самого начала. С того вечера на набережной. С того момента, как я сказал Оскару: «Она будет моей».

— Увидимся, птичка, — сказал я. И пошёл обратно. Вверх по лестнице. В свой кабинет. В свою клетку. Которая теперь была и её тоже.

Я не обернулся. Не посмотрел на неё. Но я знал: она смотрит мне вслед. Я чувствовал это затылком. Кожей. Каждой клеткой. Она смотрит. И думает обо мне. И хочет меня. Даже если ненавидит себя за это.

Я вернулся в кабинет. Взял стакан. Сделал глоток. Посмотрел вниз. На зал. На людей. На неё. Она вышла из коридора через минуту. Бледная. Растрёпанная. Но живая. Она вернулась к Лилит. Села. Взяла коктейль. Сделала глоток. И подняла глаза. Вверх. На второй этаж. На стеклянную стену. На меня.

Я смотрел на неё. Она смотрела на меня. Через стекло. Через музыку. Через людей. Только мы. Только она. Только я.

Я поднял стакан. Слегка. Как тост. Как приветствие. Как обещание.

Она отвернулась первой.

Но я знал. Теперь она знает. Что я здесь. Что я рядом. Что я всегда буду рядом. И что она не сможет уйти. Даже если захочет.

Добро пожаловать в клетку, Эвелин. Ты сама пришла.

Она просидела так минут десять.

Я наблюдал за ней через стекло. Она не пила. Не разговаривала с Лилит. Просто смотрела в свою чашку. Потом поднялась. Поправила платье. И пошла. Я думал — к выходу. Думал, что она побежит. Что испугается. Что сбежит от меня. Но она не пошла к выходу. Она пошла к лестнице. Ко мне. Наверх.

Я был удивлён. Приятно удивлён. Моя маленькая птичка оказалась смелее, чем я думал. Или глупее. Это ещё предстояло выяснить.

Я успел встать с кресла, когда послышался стук.

Тихий. Неуверенный. Но настойчивый.

— Я могу выйти? — раздался голос за дверью.

Это была она.

Глава 4 Малакай

Она врезалась в меня, и я почувствовал это раньше, чем увидел её лицо.

Запах. Сладкий, с нотками ванили и чего-то цветочного — такой нежный, что я на мгновение забыл, как дышать. А потом я посмотрел вниз и увидел её. Золотистые локоны, растрёпанные ветром, голубые глаза, которые распахнулись от испуга, и румянец, который залил её щёки, когда она поняла, что врезалась в меня.

Я мог бы просто отпустить её. Сказать что-то вежливое и забыть.

Но я не отпустил.

Я сжал её локоть чуть крепче, чем нужно, и почувствовал, как под моими пальцами бьётся её пульс. Быстро. Испуганно. Но не только испуганно — там было ещё что-то. Любопытство. Или, может быть, узнавание. Будто она уже знала меня. Будто ждала.

Я усмехнулся про себя. Глупости. Она не могла меня знать.

Но я знал её.

Я видел её впервые за несколько недель до этого дня. Гулял с братом Лилит — Оскаром — по центру, мы болтали о чём-то, что уже не имело значения. И тут я увидел её. Она шла по другой стороне улицы, с наушниками в ушах, с растрёпанными волосами, которые горели на солнце, как расплавленное золото. Она не смотрела по сторонам. Не видела меня. Просто шла своей дорогой, и в этом было что-то такое, от чего я остановился как вкопанный.

— Ты чего? — Оскар толкнул меня в плечо.

Я не ответил. Я смотрел на неё. На то, как она улыбается своим мыслям. Как она поправляет волосы. Как она исчезает за углом.

— Она будет моей, — сказал я.

Оскар рассмеялся.

— Ты её даже не знаешь.

— Узнаю.

Он не поверил. Я и сам не был до конца уверен, что говорю серьёзно. Но что-то внутри меня уже тогда щёлкнуло. Как затвор.

— --

После того дня я начал следить.

Я узнал, где она живёт. Двухэтажный дом на тихой улице, частный участок, деревья по периметру, низкая ограда — почти символическая. Я узнал, в какое время она выходит из дома, куда идёт, с кем встречается. Я стоял в тени деревьев за оградой, когда она выходила из калитки. Я сидел в машине напротив её университета, когда она шла на пары. Я видел, как она смеётся с Лилит, как пьёт кофе в парке, как разговаривает по телефону с кем-то, кто, судя по её лицу, был ей безразличен.

Я не подходил. Не заговаривал. Я просто смотрел. Изучал. Запоминал.

Я знал, что она любит латте с корицей. Что она всегда паркуется у входа, если есть место. Что она носит джинсы, которые идеально сидят на её талии. Что она засыпает с телефоном в руке и просыпается от первого луча солнца.

Я знал о ней больше, чем она сама.

И в тот день, когда она врзалась в меня в парке — в тот самый день, когда я стоял у входа и ждал, потому что знал, что она придёт, — я понял: пора.

Она вырвала локоть из моей руки, бросила что-то резкое, и я смотрел, как она убегает к Лилит. Её шаги были лёгкими, быстрыми, и даже со спины она выглядела как что-то, что принадлежит свету. Чистота. Невинность. Всё то, что я презирал и одновременно хотел уничтожить — или присвоить.

Я не знал, что именно чувствую. Ярость? Желание? Голод?

Да. Голод. Я хотел её. Я хотел взять её за эти золотистые локоны, притянуть к себе и почувствовать, как она дрожит под моими руками. Но внутри, где-то глубоко, в груди, ёкнуло что-то другое. Что-то, что я не мог объяснить. Не мог контролировать.

Я смотрел на неё, пока она сидела на скамейке с Лилит, и мои пальцы сжимались в кулаки. Она смеялась, запрокинув голову, и свет падал на её лицо так, что я видел каждую чётточку. Каждую веснушку. Каждый изгиб губ. Я хотел стереть эту улыбку. Или сделать так, чтобы она улыбалась только мне. Я не знал, что именно я хочу.

Когда Оскар позвал меня подойти, я почувствовал, как сердце забилось быстрее. Я медленно подошёл, стараясь держать лицо непроницаемым. Я не должен был показывать ей, что она меня задела. Я был тем, кто задевает. Не наоборот.

Я встретился с ней взглядом. Её глаза были такими голубыми, что они казались почти прозрачными, как вода в горном ручье. Она смотрела на меня, и в этом взгляде было что-то — вызов, страх, интерес. И это всё зацепило меня сильнее, чем я мог признать даже себе.

— Эвелин, — сказала Лилит, обнимая её. — Моя лучшая подруга.

Я повторил её имя про себя. Эвелин. Оно звучало как что-то древнее, как имя, которое я слышал в другой жизни. Или в прошлой. Я не верил в такие вещи, но сейчас, глядя на неё, я готов был поверить во всё.

— Эвелин... — проговорил я тихо, так, чтобы услышала только она. — Маленькая птичка.

Я хотел увидеть её реакцию. Я хотел, чтобы она поняла: я её заметил. Я её выбрал.

Она вздрогнула. Всего на долю секунды, но я видел. Она слышала меня. Она знала. И внутри меня разлилось чувство, похожее на триумф.

А потом её мать позвонила, и она стала прощаться. Я видел, как она хотела сбежать, и это забавляло меня. Она думала, что убежит. Что спрячется.

Как только она ушла, я дождался, пока Оскар отвлётся на свой телефон, и сказал, что мне нужно идти. Я не соврал — мне действительно нужно было идти. Но не по делам.

Я последовал за ней.

— --

Я держался на расстоянии, прячась за деревьями, за машинами, за углами домов. Она не оборачивалась. Она даже не подозревала, что её ведут. Я видел, как она вошла в калитку, как прошла по дорожке к дому, как поднялась на второй этаж. Свет зажёгся в окне наверху — её окне. Я стоял на улице, за оградой, и смотрел вверх, видя её силуэт за шторами.

Двухэтажный дом, частный участок, деревья по периметру — идеальное место. Уединённое. Тимое. Никто не увидит, если я подойду ближе.

Она жила здесь. Она спала здесь. Она была уязвима.

Я должен был уйти. Я знал это. Но я не мог. Я стоял и смотрел, как она ходит по комнате, как она садится на кровать, как она роняет голову на подушку. И в этот момент я понял, что не хочу её просто трахнуть. Я хотел большего. Я хотел видеть её каждый день. Я хотел слышать её голос. Я хотел, чтобы она смотрела на меня с тем же трепетом, с которым я смотрел на неё.

Но я не мог себе в этом признаться.

— Это просто желание, — прошептал я себе в темноте. — Это просто тело. Она захочет — и я возьму её. И всё.

Я повторил это несколько раз, пока сам не поверил.

— --

Ночью, когда я стоял у неё под окном и смотрел на её силуэт, я понял, что соврал самому себе. Я хотел её не только телом. Я хотел её душу. Но признаться в этом означало признать, что я слаб. А я не был слабым. Никогда.

Я перелез через ограду — низкую, чисто символическую — и подошёл к дому. Участок был тёмным, окна на первом этаже не горели. Я обошёл дом, нашёл дверь на террасу — она была заперта, но замок оказался простым. Я справился с ним за секунды. Внутри пахло лаван-

дой и чем-то сладким, её запахом. Я поднялся по лестнице на второй этаж, стараясь не скрипеть ступенями, и вошёл в её комнату.

Она спала, раскинувшись на подушке, её локоны разметались по простыне, губы были приоткрыты. Она была такой беззащитной, такой красивой, что у меня перехватило дыхание.

Я хотел дотронуться до неё. Провести рукой по её щеке. Но я знал: если я коснусь её сейчас, я не смогу остановиться. Я достал блокнот из кармана и написал записку. Мои пальцы двигались быстро, но буквы выходили чёткими.

«Ты очень сладко спишь. Но не думаю, что сможешь спать так же сладко в постели со мной».

Я положил листок на прикроватную тумбочку — туда, где она увидит его сразу, как только проснётся. А потом достал из кармана розу. Тёмно-красную, почти чёрную, с шипами, которые я специально не срезал. Я прошёл к туалетному столику у окна и положил её рядом с её духами и гребнем. Пусть найдёт. Пусть поймёт, что я был здесь. Что я касался её вещей. Что я всегда буду рядом, даже если она меня не видит.

Я вышел так же тихо, как вошёл. Уже на улице я прислонился к стене дома и закрыл глаза. Внутри у меня всё бурлило. Моя грудь сжималась от чувства, которое я не мог назвать.

Это не просто похоть.

Это что-то более тёмное.

Я хочу завладеть ею. Полностью. Чтобы она думала только обо мне. Чтобы она боялась меня. Чтобы она хотела меня.

Я не знал, что это за чувство. Но я знал, что оно будет длиться вечно.

Она не сбежит.

Она — моя.

— --

Я вернулся домой уже под утро. Принял холодный душ, пытаюсь смыть с себя её запах — тот самый, сладкий, с нотками ванили, который впитался в мою кожу. Но он не смывался. Он остался на мне, как клеймо. Как метка.

Я оделся, собрался и вышел из дома. Работа ждала. Клубы, отчёты, встречи — всё то, что составляло мою жизнь до неё. Но теперь всё это казалось пустым. Механическим. Я делал всё на автомате, а в голове была только она.

Эвелин.

По пути в клуб телефон завибрировал. На экране высветилось имя: Рейд.

Я поднял трубку, и в динамике раздался его голос — низкий, с металлическими нотками.

— Приезжай ко мне. Есть разговор.

Я напрягся. Рейд не звонил просто так. Я перебрал в голове свои дела: клубы работают, налоги платятся, персонал под контролем. Всё чисто. Но тон брата не обещал ничего хорошего.

— Скоро буду, — ответил я и сбросил звонок.

— --

Клуб «XXX» встретил меня басами и полумраком. Я прошёл через чёрный вход, поднялся в свой кабинет на втором этаже. Стеклопанная стена, за которой открывался вид на весь зал. Я сел в кожаное кресло и развернул ноутбук. Отчёты, счета, графики — рутина, которая была мне привычна. Я работал быстро, сосредоточенно, но мысли то и дело улетахи к ней.

Эвелин.

Я сжал ручку так сильно, что она чуть не треснула. Я не мог думать о ней. Не сегодня. У меня были дела.

Я уже собиpался уходить, когда в кабинет без стука вошла одна из официанток. Новенькая. Высокая, с ярко-рыжими волосами, обтягивающим платьем и хищным взглядом. Она улыбнулась, задерживаясь у двери.

— Малакай, — её голос был сладким, как мёд. — Я хотела сказать тебе... у тебя такой напряжённый день. Может, расслабишься немного?

Она шагнула ближе, почти вплотную. Её рука скользнула по моему плечу, и я почувствовал запах её духов — сладкий, приторный, от которого у меня свело скулы.

Я медленно повернулся к ней. Посмотрел в глаза.

— Ты новенькая, — сказал я, и мой голос прозвучал холоднее, чем я планировал. — Я понимаю, тебе, наверное, кто-то сказал, что это сработает. Но запомни раз и навсегда.

Я поднялся с кресла, и она автоматически сделала шаг назад.

— Я не смешиваю работу с личной жизнью. Никогда. Это не обсуждается. Если ты ещё раз войдёшь в этот кабинет без стука и с подобными намерениями — будешь искать работу в другом месте. Поняла?

Она побледнела. Кивнула быстро, почти испуганно.

— Поняла, — прошептала она.

— Свободна.

Она вылетела из кабинета, как ошпаренная, а я остался стоять у стола. Все эти женщины... Они хотели меня. Моё тело, мои деньги, мою власть. И все они были одинаковыми. Пустыми. Но она была другой. Эвелин. Она даже не знала, кто я. И в этом было всё её очарование.

Я взял телефон и набрал сообщение Рейду: «Выезжаю».

— --

Я подъезжал к особняку брата на Покровке. Шикарное трёхэтажное здание с высокими колоннами, коваными воротами и охраной у входа. Рейд любил показную роскошь — это было его слабостью и одновременно его силой. Люди боялись его, но они также уважали его за то, что он не прятался.

Он стоял на крыльце, разговаривая по телефону. Его высокий силуэт выделялся на фоне тёмного неба. Я припарковался, вышел из машины, подошёл ближе. Он бросил на меня короткий взгляд и поднял палец — подожди. Я засунул руки в карманы и стал ждать.

Рейд договорил, убрал телефон и посмотрел на меня. Тяжело. С прищуром.

— Поднимемся в мой кабинет.

Я не задавал вопросов. Просто пошёл следом.

— --

Кабинет был огромным. Тёмное дерево, мягкий свет настольной лампы, запах дорогого виски и табака. Рейд сел в своё кожаное кресло, откинулся на спинку и уставился на меня. Я сел напротив, сложив руки на коленях. Тишина затянулась на несколько секунд, и я знал, что он проверяет меня. Смотрит, не дрогну ли я. Не покажу ли слабость.

— У меня есть должник, — начал он медленно. — Ему нечем вернуть деньги, но у него есть дочь. Мне она не нужна — я не собираюсь связываться с такими делами. Но я решил предложить её тебе. Думаю, она будет тебе по вкусу.

Он протянул мне фотографию.

Я взял её. Перевернул.

И замер.

На фото была она. Эвелин. Её золотистые локоны падали на плечи, её голубые глаза смотрели в камеру с лёгкой, чуть застенчивой улыбкой. Те же черты, которые я уже знал наизусть. Та же маленькая птичка, которая спала у меня в голове и не давала покоя.

Где-то внутри меня всё перевернулось. В груди что-то ёкнуло — то самое чувство, которое я пытался задавить. Ярость на отца, который продал её. Радость оттого, что она будет моей. И что-то ещё. Что-то, что я отказывался называть по имени.

Я заставил себя сохранить маску спокойствия. Не дрогнул. Только сжал фото чуть сильнее, чтобы скрыть дрожь.

— Что от меня требуется? — спросил я, голосом, который не выдал ни одного чувства.

— Вы должны прожить полгода в фиктивном браке, — Рейд подался вперёд. — Мне нужен чистый партнёр для сделки с иностранными инвесторами. Моя репутация запятнана, а ты — идеальный фасад. Молодой, успешный, без криминального прошлого. Им нужна стабильная семейная пара. Это условие контракта. Полгода — и ты свободен. А долг её отца будет закрыт. Я даю тебе время до завтра. Откажешься — я найду другого.

Я перевёл взгляд на фото. Она смотрела на меня с бумаги, такая живая, такая невинная. Она даже не знала, что её жизнь уже решена. Что кто-то уже торгует её судьбой. И что этот кто-то — я.

Внутри меня боролись два чувства. Одно говорило: «Это неправильно. Она не заслуживает быть товаром». Другое — то, которое было сильнее, шептало: «Ты хотел её. И теперь она будет твоей. Легально. На законных основаниях. Даже её отец не сможет её забрать».

Я поднял глаза на Рейда.

— Согласен, — сказал я, и внутри меня разлилось холодное, тёмное удовлетворение.

Рейд усмехнулся. Он знал, что я соглашусь. Он всегда знал.

— Я думал, ты откажешься, — сказал он, хотя в голосе не было удивления.

— Ты же знаешь, я никогда не отказываюсь от того, что хочу.

Я встал, сжав фото в руке. Я не выбросил его. Я убрал его во внутренний карман пиджака, рядом с сердцем. Пусть лежит там. Пусть напоминает мне, почему я это делаю.

Выйдя из кабинета брата, я остановился на крыльце, вдохнул холодный ночной воздух и посмотрел в небо. Там, за облаками, за тучами, была она. Маленькая птичка, которая даже не знала, что клетка уже строится.

Теперь ты точно моя, — подумал я, и пальцы сжались в кулак. И никто не сможет у тебя меня забрать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.